

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

ЧТО ЗНАЧИТ
СЛОВО ГЕРОЙ?

Элизабет Гаскелл

Что значит слово герой?

«Public Domain»

1847

Гаскелл Э.

Что значит слово герой? / Э. Гаскелл — «Public Domain», 1847

«Вечернее солнце разливало яркие и теплые лучи по поросшему густой травой кладбищу, бросая тень от старых вязов, под которыми мы сидели. Тени эти становились все гуще и прохладнее почти с каждой минутой. Мириады летних насекомых жужжали по всем направлениям, напевая общим хором сладкую колыбельную песнь...»

Элизабет Гаскелл

Что значит слово герой?

(Рассказ могильщика)

Вечернее солнце разливало яркие и теплые лучи по поросшему густой травой кладбищу, бросая тень от старых вязов, под которыми мы сидели. Тени эти становились все гуще и прохладнее почти с каждой минутой. Мириады летних насекомых жужжали по всем направлениям, напевая общим хором сладкую колыбельную песнь.

А какой вид расстился перед нами! Для него я не могу придумать сравнения. Вблизи тянулась старая стена пасторского сада, живописно покрытая бесчисленным множеством наростов зеленоватого мха, кустами желтоватого папоротника, живописно выющимися ветвями плюща с темно-зелеными листьями, яркими цветами герани, находившего себе приют в каждом уголке, в каждой расщелине; – верхний край этой стены венчался выющимися усами виноградника, и верхушками шиповника, тонкими, длинными и густо покрытыми цветом. Далее, расстился зеленый луг, за ним – зеленеющий пригорок и, наконец, голубые, искрившиеся под лучами солнца воды Морекэмского залива, отделявшего от нас более отдаленный, покрытый синевой вид.

Любуясь этой сценой и вслушиваясь в жужжанье насекомых, мы оставались на некоторое время безмолвными. Наконец Джереми возобновил разговор, который на четверть часа мы прекратили, почувствовав усталость и негу, при виде этой тенистой местности.

Это был один из тех праздных, располагающих к лени дней, когда мысли наши не прерываются грубыми толчками какой-то лихорадочной деятельности, когда они свободно изливаются из чистого сердца и формируются в разумные слова. И от дурных семян не редко созревают вкусные плоды.

– Скажи же мне, – как бы ты определил значение слова герой? спросил я.

После этого вопроса наступила длинная пауза. Я почти забыл о нем, любуясь переливами света и тени, перебегавшими по поверхности отдаленных холмов, – как вдруг Джереми ответил:

– По моему мнению, герой тот, кто действует сообразно составленной им самой возвышенной идее о долге, не обращая внимания ни на какие жертвы. Мне кажется, что под это определение мы можем подвести все фазы героизма, даже древних героев, у которых единственная и, по нашим понятиям, отнюдь не возвышенная идея о долге состояла в личной храбрости.

В эту минуту нас обоих изумило вмешательство в ваш разговор третьего лица:

– Извините мою смелость, сэр... произнес чей-то голос и замолк.

Это был могильщик, которого мы заметили при входе на кладбище. Он был единственным живым существом среди торжественно-безмолвной сцены, но о нем мы вовсе забыли – мы приняли его за точно также неодушевленный предмет, как и один из поросших мхом надгробных камней.

– Могу ли я осмелиться?... снова сказал он, ожидая позволение вступить с нами в разговор. Джереми поклонился в знак уважения к седой и непокрытой голове могильщика. Ободренный этим приветом, он продолжал.

– Последние слова джентльмена напоминают мне человека, который умер и лежит в могиле уже много лет. Может статься, я ошибочно понял ваше рассуждение, джентльмены; но, сколько позволяют мои понятия, мне кажется, вы оба признали бы бедного Джилльберта Досона героем. Во всяком случае, сказал он, испустив протяжный, прерывающийся вздох – я имею причину считать его героем.

– Не угодно ли присесть и рассказать нам об этом человеке? сказал Джереми, не садясь, пока не сел старик.

Признаюсь, слова могильщика возбудили во мне досаду за нарушение нашей беседы.

– В ноябре будет сорок пять лет, начал, могильщик, сев на мшистый бугор у наших ног: – когда я вышел из ученья и устроился в Линдале. Местечко это вы можете видеть, сэр, в светлое утро или в светлый вечер, вон там – за заливом, – немного по правее Грэнджа; по крайней мере, я часто видел его и любовался им, пока зрение еще служило мне; – бывало по целым часам смотрел я в голубую даль, вспоминая о днях, проведенных там; я всматривался в эту даль, пока не выступали слезы, и тогда, разумеется, я ничего не мог видеть. Не видать мне больше этого места, будь оно близко или далеко, но вы можете видеть его в том и другом случае, – и какое же милое местечко-то, если бы вы знали. В молодые дни мои, когда и поселился в том местечке, в нем столько было разгульной молодежи, что, может статься, другому в жизнь свою не приводилось видеть; подраться ли, поохотиться ли на чужих полях, затеять ссору и тому подобное, – для наших молодцов это ровно ничего не значило. Я испугался, увидев с самого начала в какую шайку забросила меня судьба, но вскоре начал свыкаться с их привычками, и кончил тем, что сделался таким же сорванцем, как и каждый из товарищей. Прошло каких-нибудь два года, как меня стали считать лучшим молодым человеком во всем селении. К этому времени в Линдаль прибыл Джильберт Досон, о котором идет речь. Это был такой же статный и ловкий молодец, каким был я в ту пору: теперь я сморщенный и сгорбленный старик; а тогда я был шести фут ростом и, без хвастовства сказать, красавец. Занимаясь одним и тем же ремеслом (оба мы готовили обручи и доски для ливерпульских бочаров, которые получали значительный запас бочарного материала из кустарников, окаймлявших берега залива), мы сошлись и крепко полюбили друг друга. Я всячески старался ни в чем не уступать Джильберту, тем более, что получил некоторое образование, хотя в бытность в Линдале позабыл почти все, чему учился. Но некоторое время я скрывал свое удалство и проказы, – мне не хотелось, чтоб он узнал о них, и их стыдился. Впрочем, это не долго продолжалось. Я начал думать, что он ухаживает за девушкой, которую я сам любил, но которая всегда удалялась от меня. О, если бы вы знали, что за красавица была эта девушка! Прелестнее её не было тогда, да нет и теперь. Как теперь гляжу на нее. Бывало, идет по улице да припрыгивает, откинув назад головку свою с золотыми кудрями, чтоб подарить меня или другого молодого человека ласковым словом. Нет ничего удивительного, что она пленила Джильберта, – его, такого серьезного, она, такая веселая и беззаботная. Мне казалось даже, что она его полюбила, – кровь во мне закипела. Я начал ненавидеть Джильберта. До этой поры я не отходил от него: я любовался и восхищался им во всех наших играх. А теперь я скрежетал зубами от злобы и зависти, каждый раз, когда, легкостью своею, он привлекал к себе взор милой Летти. Я читал в этом взоре, что она его любила, хотя она и держала себя с ним также гордо, как и со всеми другими. Господи! прости мне ненависть, которую питал я к тому человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.